

С Ц Е Н Ы

изъ

ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

В. Соколовскаго.

(Продолженіе.)

С. П. Е. Н. И.

1858

ИСТОРИЯ ПОДПИСАНИЯ

В. С. С. С. С.

(С. П. Е. Н. И.)

С Ц Е Н Ы

ИЗЪ

ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

В. СОКОЛОВСКАГО.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) (*).

=

Альма.

Дослушай же.... Вотъ эта мысль со мной
Сроднилася, и вотъ мнѣ ангелъ мой
Сперва въ тиши, какъ-будто бы уградкой,
Въ полголоса, въ намекахъ говорилъ,
Что я найду и въ сторонѣ могилъ
Ту дивную посланницу изъ рая;
А наконецъ, онъ внятно мнѣ сказалъ :
«О, какъ блаженъ душевный твой фіалъ!
«Какъ чудно въ немъ, небесностью сверкая,
«Запскрится живящая струя
«Святой любви Владыки бытія!
«И будетъ онъ, тотъ кубокъ благодатный,
«Проникнуть весь надзвѣздности огнемъ,
«И вѣруй мнѣ, что скоро, скоро въ немъ
«Вскипитъ восторгъ, роскошно ароматный,
«И взвивъ тебя въ несповѣднѣй рай,
«Разплещется и брызгнетъ черезъ край!»
Услыша вѣсть о тепломъ счастьи, Дода,
Я съ той поры, среди ночей и днемъ,
Все думаю и только что о немъ!

(*) Начало въ первомъ выпускѣ.

И съ тѣхъ же поръ вся дивная природа
Въ моихъ глазахъ богаче и милѣй,
За то, въ замѣнъ, все общество людей
Мнѣ стало вдругъ печальною пустыней,
Гдѣ нѣтъ ни водъ, ни тѣни, ни цвѣтовъ, —
А я хочу, чтобы моя любовь
Цвѣла весной и вѣяла святыней!
Да, я хочу, чтобъ свѣтлый мой женихъ
Былъ чуденъ весь въ достоинствахъ своихъ,
Чтобы онъ своею могучей красотою
Былъ какъ мечта возможной красоты,
Чтобъ всѣ его отрадныя черты
Сіяли бы державностью святою,
Незримою доселѣ на землѣ;
Чтобъ въ поступкѣ, въ осанкѣ, на челѣ —
Все внятно бы и ясно говорило
О царственномъ величїи его;
Чтобы въ очахъ у друга моего
Какимъ-то днемъ упитано все было,
И чтобы въ нихъ виднѣла глубина
Какихъ-то безднъ безъ грани и безъ дна.
Да, я хочу, чтобъ всѣ красы природы
Отражены чудесно были въ немъ;
Чтобъ рѣчь его, струясь сперва ручьемъ,
Влекла потомъ, какъ увлекаютъ воды,
Но прямо вверхъ, по за далекій сводъ,
Въ страну отрадъ и жизни, и благодѣ;
Чтобъ яркою звѣздой знаменовалась
Двухъ нашихъ душъ плѣнительная связь,
И чтобъ она, единожды родясь,
Не гаснула, а все бы разгаралась;
Чтобъ поцѣлуй привѣтливый царя
Былъ теплъ и чистъ, и пышенъ какъ заря;
Чтобъ я, вручая его святымъ объятѣямъ,
Вскипѣла бы кипѣніемъ благимъ;
Чтобъ, кроткій, онъ привѣтенъ былъ къ другимъ,
Какъ мирный братъ къ единокровнымъ братьямъ,
Но чтобъ всегда и всѣхъ превосходилъ

Познаемъ благъ и крѣпостію силъ,
И славою, и знатностію рода,
И пламенемъ струящимся въ крови,
И даромъ словъ, и пѣгою любви, —
Вотъ въ женихъ чего хочу я, Дода!

Дода.

Я поняла, но на какомъ пути
Мечтаешь ты столь дивнаго найти?
Къ тому же здѣсь, въ пустынѣ Бофорона,
Гдѣ мы однѣ въ безвѣстности живемъ?...

Алма.

Гдѣ я найду?... Кто на небѣ своемъ,
Державствуя надъ славою Сіона,
Зоветъ въ нее за оный теплый сводъ;
Кто жажду далъ, тотъ ниспошлетъ и водъ!..
Но выслушай о тайнахъ сокровенныхъ,
Которыя свершились со мной:
Съ тѣхъ поръ, когда Іерусалимъ родной,
Въ моихъ мечтахъ, высоко-вдохновенныхъ,
Унылою какой-то степью сталъ,
Гдѣ пылкій взоръ вотще того искалъ;
Кто могъ бы мнѣ на знойныя желанья
Дать пламенный, восторженный отвѣтъ, —
Тогда въ душѣ угаснулъ яркій свѣтъ
Веселыхъ дней, и мрачныя страданья
Въ меня лились во снѣ и на яву:
Мнѣ вдругъ сдалось, что будто я живу
Въ чужой странѣ, отъ родины далеко,
Окружена печалью спротства,
Безъ дружества, безъ ближнихъ, безъ родства,
И всеми тамъ забвенная глубоко,
Съ надеждой благъ надъ пропастію зла,
Гдѣ пылъ и боль, и бѣдствіе, и мгла!..
Но, Дода, другъ, кто только любитъ Бога,
И полонъ весь невинной простоты, —
Тому всегда изъ страшной тѣсноты
Къ отрадному простору есть дорога,

И выйдетъ онъ изъ грустной тьмы почной,
Чтобъ видѣть свѣтъ... Такъ было и со мной!..
Взволнована кипучими мечтами,
И жгучею распалена алчбой,
Я предъ Творцомъ поверглася съ мольбой,
И вмѣсто словъ молилася слезами,
И внялъ онъ мнѣ, и вотъ, какъ пѣснь самбуку,
Въ моей душѣ раздался сладкій звукъ:
«Укройся ты въ тиши уединенья,
«Ступай туда съ подругами скорѣй,
«И отъ Царя, властителя царей,
«Сойдутъ на васъ дожди благословенья!...

До да (въ порывѣ увлеченья).

Сойдутъ на всѣхъ!.. Ахъ, Альма! поспѣши
Призвать сюда цѣлителя души:
И я горю, и я люблю кого-то....
Но гдѣ же онъ! гдѣ дивный твой женихъ?

Альма.

Вотъ точно такъ и въ помыслахъ моихъ
Вскипѣла вдругъ палящая охота
Итти впередъ по новому пути,
Искать и звать, и наконецъ найти!..
Я васъ къ себѣ тогда же всѣхъ созвала,
И, жаждою таинственной полна,
Влекла сюда, когда еще весна
Кропитъ на мѣръ съ высотъ не начинала
Ни теплоты, ни жизни благодать,
Но Дивный звалъ, и можно-ль было ждать?..
Вотъ вмѣстѣ мы укрылися отъ шума,
Вотъ созерцать я стала въ тишинѣ
Душевный бытъ, и вотъ какъ день во мнѣ
Затеялась и уяснилась дума:
«Какъ ни была бъ избранница-душа
«Невинностью свѣжа и хороша,
«Но если въ ней, какъ парадись душистый,
«Къ избраннику любовь не зацвѣла, —
«То вся она какъ лѣто безъ тепла,

«Какъ безъ игры источникъ въ полѣ чистый;
«И въ обществѣ, гдѣ дышетъ суета,
«Она всегда, благая дѣва та,
«Хотя нѣсколько болѣетъ суетою;
«А потому, до первыхъ вѣшнихъ розъ,
«Мнѣ должно лить потоки жаркихъ слезъ,
«Чтобъ ихъ струей цѣлительно-святою,
«Сокровища душевныя омыть,
«И для любви верховной — чистой быть.
«Когда же въ насъ, отъ оной нѣги счастья,
«Какъ лѣня желательно дыша,
«Въ красы небесъ нарядится душа,
«Тогда впередъ, смѣлѣй въ моря ненастья,
«Въ шумящій міръ изъ кроткой тишины
«Мы ринуться безтрепетно должны,
«И, не страшась ни бурь, ни обольщеній,
«По грознымъ тѣмъ, клубящимся морямъ,
«Державно плыть къ раствореннымъ дверямъ
«Безмѣрнаго чертога восхищеній,
«Гдѣ царственный Создатель нашъ Іагъ
«Преполнилъ все роскошливостью благъ!...
«Да, мы должны съ наземною семьею
«Сродниться вновь и сблизиться опять,
«Чтобъ Творчаго въ твореніи обнять,
«И щедрою, широкою струей,
«Свою любовь и радости свои
«По всюду лить во славу Садаи!
«А свѣтлый онъ, избранныкъ нашъ отрадный,
«Онъ будетъ намъ, среди грозы и бѣдъ,
«Какъ сильный мечъ торжественныхъ побѣдъ,
«Какъ мѣдный шлемъ и какъ-бы щитъ громадный!
«И мы пойдемъ, и намъ веселый ходъ
«Заблещетъ весь какъ солнечный восходъ,
«И вся стезя до жизни безконечной,
«Проляжетъ намъ какъ бы гряда цвѣтовъ!»
Вотъ эта мысль съ видѣньемъ дивныхъ сновъ,
Яснила здѣсь, во глубинѣ сердечной,

И жажда вступить на ту гряду,
Я плакала... Теперь я друга жду!..

Дода.

Такъ вотъ зачѣмъ ты слезы проливала!
Такъ вотъ о чемъ грустила, Альма, ты!
Твоя душа верховной чистоты,
Для чистыхъ благъ въ невинности желала.
Но для чего жъ ты не открылась мнѣ,
Чтобъ я могла съ тобою наравнѣ
Тонуть въ мечтахъ таинственно-чудесныхъ,
И помышлять о свѣтломъ другѣ томъ,
И слезы лить, и кротко ждать потомъ
Восторговъ тѣхъ и радостей небесныхъ,
И тѣхъ цвѣтовъ, и оныхъ водъ струи,
Какихъ ты ждешь на пажити своей, —
А то теперь я плакала, да мало,
Грустила я, да всё не такъ какъ ты,
И въ той любви къ эдему красоты,
Самой себѣ отчета не давала.....

Альма (прерывая).

О, полно, другъ!... О вздохахъ и слезахъ
Отчеты всѣ ведутся въ небесахъ,
И вы въ тоскѣ омылись всѣ довольно....
Но слушай же.... Вотъ стала плакать я,
И вотъ во мнѣ избраница моя
Стѣснялася,—и было мнѣ такъ больно,
И я вотще желала какъ-нибудь
Охолодить пылающую грудь;
А тамъ что день, то всё слышнѣй съ востока
Дышала мнѣ, надъ жизненной зимой,
Весна любви,—и милый спутникъ мой,
Хотя еще я въ мірѣ одинока,
Хотя въ огнѣ молодая жизнь моя,
Но отъ него въ истомѣ только я;
Я плачу, другъ, но я уже счастлива:
Я чувствую, что скоро онъ прійдетъ,
И хлынетъ ливнь, и дивно оживетъ

Моей души удобренная пшва,
И въ той веснѣ, въ роскошной той веснѣ
Я стану цвѣсть,—и сладко будетъ мнѣ!
Да, кроткая! томительныя ночи
Была должна я въ грусти провести,
Бывало, вѣждь не въ силахъ я свести,
Бывало, другъ, такъ и пылають очи,
И пламеннымъ желаньемъ разжжена,
Я вся была смущенія полна,
И слабая, въ избыткѣ той печали,
Болѣзненно безмолствовала я;
А предо мной, какъ волны бытія,
Минувшихъ лѣтъ потоки протекали;
Но углублясь въ ту смутную мечту,
Я зрѣла въ ней и скорбь и суету;
Тогда душой въ грядущее взирая,
Хотѣла я увидѣть мыслью въ ней,
Кого мнѣ ждать отрадой грустныхъ дней,
И чья душа, возвышенно-благая,
Меня пойметъ, полюбитъ и впередъ,
Какъ ангелъ мой, привѣтно поведетъ?...
И долго, другъ, вникала я напрасно,
Но наконецъ....

До да (въ порывѣ любопытства).

Что-жъ, Альма, наконецъ?..

Альма.

.....
Женихъ, торжественно прекрасный,
Сегодня въ ночь, въ непостижимомъ снѣ,
Слеталъ въ тиши таинственно ко мнѣ!

До да (вся полная пламеннаго участія).

Онъ былъ съ тобой!

Альма.

Онъ былъ со мною, До да!

И вотъ какъ былъ.... Вчера, сверша мольбы
И Крѣпкому вруча свои судьбы,

Уснула я подъ шумъ водопровода,
Который здѣсь такъ хорошо журчитъ....
Вотъ слышу я—миѣ кто-то говоритъ:
«Встань, Альма, встань!» Я зорко осмотрѣлась:
Нѣтъ никого!... Я будто вновь легла,
А надо мной развѣялася мгла
И вышина разсвѣтомъ затеплилась,
И вся въ зарю одѣлася она....
И вотъ съ небесъ какая-то жена,
Но дивная, но съ кроткими очами,
Идетъ ко миѣ и смотритъ на меня,
А въ кругъ нея державный факель дня,
Разбрызнулся въ безбрежности лучами,
И вижу я, что изъ его огней
Соткался покровы всѣ на ней,
И что внизу, подъ легкими стопами,
Блеститъ серебромъ двурога луна,
А съ высоты глава осѣнена
Двѣнадцатью петлѣными звѣздами,
И свѣтъ отъ нихъ сливается кольцомъ,

.....
Ахъ, Дода, другъ! какъ пышно пронеслася
Та свѣтлая по ясной вышинѣ,
Какъ ласково приблизилась ко миѣ,
И мысль ея рѣчами развилася,
И рѣчи тѣ, чудеснаго полны,
Текли струей сверкающей волны!

«Испытана ты, дѣва молодая,
«Какъ золото въ горнилѣ огневомъ,
«И ты чиста, и твой душевной домъ
«Пріятель миѣ какъ скниія святая;
«Достоинъ онъ, чтобы незримо тамъ
«Курился мой духовной ошміамъ,
«Чтобъ пѣга въ немъ какъ въ небѣ обитала,
«И чтобъ любовь какъ лилія цвѣла!...
«Да, для тебя, за свѣтлыя дѣла,
«Пора отрадь плѣнительныхъ настала...

.....

.....
(Въ сладостномъ умиленіи).

Нѣтъ, Дода, другъ!... властитель цабаовъ
Мнѣ много далъ, но онъ мнѣ не далъ словъ,
Которыми, хоть слабо, хоть безцвѣтно,
Я для тебя изобразить могла,
Какъ та любовь заманчива, мила
И какъ его видѣніе привѣтно,
И какъ собой, державное, оно
Роскошливо и пышно, и цвѣтно,—
И самую кипучую мечтою
Ты не поймешь и не представишь ты,
Какъ сладостно въ привольи чистоты,
Дивясь его богатой красотой,
Къ нему прильнуть и вмѣстѣ съ нимъ умѣть —
И трепетать, и таять, и горѣть!...
Обнявъ его, я быстро оживала,
Душа его росла, какъ солнце умъ свѣтлѣлъ;
Но на землѣ блаженству есть предѣлъ....
И мирно мнѣ чудесная сказала:

.....
.....
.....
Пропнесла и скрылась въ лошѣ благъ,
Волшебнаго съ собою восторгая,
И долго, другъ, надъ путницей земли
Все вѣяло надзвѣздностью сдалъ!...
Вотъ, свѣтлая и радостная Дода,
Что въ эти дни свершилася со мной!
Уже мнѣ есть и спутникъ, и родной,
Но скоро-ль я дождусь его прихода
И скоро-ли отрадно на-яву
Я жизнию нездѣшней заживу?...
(Въ эту самую минуту неожиданно раздается громкая
пѣсня подругъ Альмы, подъ звонкую игру самбукъ;
Альма и Дода прислушиваются).

ЯВЛЕНІЕ II.

Альма и всѣ ея подружки.

Хоровая пѣсня подругъ, еще невидимыхъ.

(Тонъ плавный и торжественный.)

I.

Кто жаждетъ со мною, съ владыкой желаннымъ,
Подъ ночью землею, подъ мракомъ туманнымъ,
Слѣваться для счастья въ благія лобзанья,
Тотъ съ пыломъ участя и силой желанья,
Пускай поспѣшитъ изъ наземнова плѣна —
Стремиться за мною къ богатствамъ эдема!
(Громкіе аккорды и переходъ тона въ игривые звуки.)

Среди ночи и дня

Вы ищите меня,

И обрящете вы;

Васъ любовь уяснитъ,

И какъ днемъ осѣнитъ

Вамъ собою главы.

II.

Ищите же, братья, всевѣчнаго слова,
Чтобъ вамъ бы объятъ развергъ Іегова,
Чтобъ слезы печали смѣнялъ онъ на радость,
Чтобъ сердцемъ вы знали небесную сладость
И всюду отрадно собирать бы могли вы
Колосья восторговъ съ влѣстительской пивы!

Много благъ накопилъ

Я тому, кто любилъ

Въ этомъ мірѣ меня:

Такъ ищите скорѣй

Вы владыку царей,

Среди ночи и дня

III.

Плѣнительно моно и пажить благая
Святаго Сіона и Божьяго края:
Туда-то введу я искателей слова,
И дружно цѣлуя предъ трономъ Благова,

Я всѣхъ напитаю пшеницей Іага
И всѣхъ напою я потоками блага.

(Подруги, выходя изъ-за деревьевъ на мураву
цвѣтника, продолжаютъ пѣть, составляя
рѣзвый танецъ).

И таинственно вамъ
Будутъ радости тамъ
Упоеннымъ новы ;
Такъ ищите-жъ меня
Среди ночи и дня
И обращаете вы.

Альма (съ пылкимъ любопытствомъ).

О милая, откуда пѣсня эта!
О ней одной скажите вы сперва!...
Кто говорилъ тебѣ дивныя слова,
Столь полныя возвышеннаго свѣта,

.
.
.

Альма (указывая на Доду).

Мы здѣсь однѣ, родная Туссиага,
Тонули съ ней въ заманчивыхъ мечтахъ,
И какъ намъ знать о новыхъ благахъ
Великаго всевидящаго Бога? (съ порывъ любопыт-
ства)

Но передай о сладкой пѣснѣ той,
Въ которой все, плѣняя красотой,
Тантъ въ себѣ священнаго такъ много....
Я чувствую и вижу, что она
Великаго ученія полна,
И что ее впервые пѣли
Небесные и чистые уста....

Туссиага.

Ты права, другъ; священна пѣсня та,
Она нектаръ отъ грусти и печали,
Она какъ свѣтъ спасительна для насъ,
И вотъ о ней таинственный рассказъ....

Дода (съ увлеченіи простодушія).

Таинственный....

ТУССИАГА.

Да!... Слушайте съ вниманьем!...

Сегодня я, веселыхъ сновъ полна,
Проспулася едва лишь вышнна
Продернулася плѣнительнымъ сіяньемъ
И облеклась въ живящее тепло ;
Вокругъ меня все было такъ свѣтло ,
Весь этотъ садъ дышалъ такъ ароматно ,
Такъ весело клубился вдалѣ потокъ ,
И утренній весенній вѣтерокъ
Меня живилъ и обвивалъ пріятно :
Я, въ нѣгѣ чувствъ и помысловъ души,
Молилася Предвѣчному въ тиши,
И въ оный мигъ мнѣ благодатно мнилось
Что кроткое моленіе мое ,
Сквозь глубъ небесъ, въ другое бытіе
Куреніемъ алтарнымъ возносилось ;
Вотъ кончила и мирно встала я ,
Вся обновясь отъ свѣжаго питья
Моей простой, но искренней молитвы ;
(указывая на подругъ)

И вотъ онѣ пгривою толпой
Пришли ко мнѣ, чтобъ звать меня съ собою ,
Для утренней за ланями ловитвы...
Узнавъ о васъ, что вы въ глубокомъ снѣ ,
Рѣшились мы охотиться однѣ :
Мы вышли здѣсь на ближнюю поляну ,
Намъ подвели египетскихъ коней ,
Мы дали знакъ , и посреди полей,
По зыбкому, росистому туману,
Отгрянулъ звукъ серебряныхъ шофаръ , —
И мы стрѣлой, и будто легкій паръ,
За нами пылъ стремительно вставала —
То вдругъ волной, то вьющимся столбомъ ;
И дѣтски такъ, въ раздольи полевомъ ,

Душа у насъ въ то время ликовала ,
И весело, отрадно былъ намъ
Летать какъ вихрь по скатамъ и холмамъ;
Предавшись забавѣ безотчетно ,
И всѣ рѣзвясь какъ птички въ небесахъ ,
Забыли мы о ланяхъ и лѣсахъ ,
И при зарѣ скакали такъ охотно,
Что, не выдавъ какъ сдѣланъ длинный путь ,
Мы съ быстротой примчались отдохнуть
Къ шумящему Кедронскому потоку ,
И отдали рабамъ своихъ коней....
Ужъ день вставалъ, и златометъ огней
Горѣлъ, вставалъ и лился по востоку ,
И все сплывѣй въ порывѣ силъ своихъ
Онъ закипалъ, доколѣ, какъ женихъ,
Изъ брачнаго роскошнаго чертога
Свѣтло дня не вышло изъ-за горъ ,
И первый свой свѣтлѣющійся взоръ
Не бросило на домъ живаго Бога ,

.
И тотъ привѣтъ былъ дружно принять имъ ,
И Божій храмъ отвѣтомъ былъ свѣтлу :
Казалось, что тѣ лучи любя ,
Онъ ихъ сперва какъ бы впиталъ въ себя ,
И тамъ придавъ имъ новый блескъ и силу ,
Послалъ въ возвратъ лобзанья изъ огней ,
Отбрызнувъ ихъ отъ злата и камней ,
И мраморовъ пароскихъ драгоценныхъ ...
Сей свѣтлый восхитилъ намъ сердца ,
И предъ святой обителью Творца ,
Въ моленіяхъ чудесно вдохновенныхъ ,
Въ рѣчахъ любви доступныхъ высотъ ,
Мы пзмились какъ дѣти въ простотѣ ;
Потомъ мы всѣ по берегамъ Кедрона
Пошли собирать желанные цвѣты ,
И видимъ мы, что кто-то, сквозь кусты,
Къ прохладѣ водъ спѣшилъ изъ Элеона ,
Все ближе къ намъ, — и вотъ явился онъ....

То былъ старикъ, — лѣтами убѣленъ,
Но живостью и силами цвѣтущій;
Онъ быстро шель съ гасуромъ за плечми,
И чудными привѣтилъ насъ рѣчьми....
«Да осянѣтъ собою Всемогущій
«Смпреннымъ васъ, какъ избранныхъ дѣтей,
«Да сбережетъ отъ казней и сѣтей,
«Разставленныхъ паденіемъ Адама,

.
.
.

«Я зрѣлъ, какъ вы, въ невинности простой,
«Молился, смотря на домъ пустой;
«Но не туда молился вы, дѣти:
«Ужъ то не храмъ, тамъ пѣтъ Адоніи,
«Тамъ только трупъ раздавленной змѣи,
«Да старыя изорванныя сѣти;
«А вы впередъ молитесь на востокъ,
«Откуда къ намъ изыщества потокъ
«Низринулъ божественностью слова,
«Чтобъ затопить страданья, грѣхъ и зло;
«Ужъ ветхое, какъ смрадный чадъ, прошло;
«Земля нова, и небо нынѣ ново,
«И новыя мы пѣсни запоемъ,

Алма

О, какъ мнѣ жаль, что я для этой встѣчи
На берегахъ кедронскихъ не была!...
Какой старикъ! онъ знаетъ всѣ дѣла
И говоритъ возвышенныя рѣчи,
И святостью такъ слышимо согрѣтъ!...
Но кто-жъ онъ былъ?

Туссиага.

Онъ, Алма, былъ поэтъ!...
«Садитесь здѣсь, подъ этими кустами, —
Сказалъ онъ намъ, — «вы избраны судьбой,» —
И свой гасуръ поставя предъ собой,

Онъ сталъ на немъ привычными перстами
Перебѣгать по трепетнымъ струнамъ ,
И хорошо, и сладко было намъ
Внимать ему, какъ пѣлъ онъ пѣсню эту ,
И какъ ее онъ повторялъ потомъ ;
И намъ сдалось, что мы при старцѣ томъ
Стремительно приблизились къ свѣту ,
И что въ сердца на радость бытія
Бѣжитъ любви кипучая струя...
Вотъ кончилъ онъ—и мы къ нему съ молениемъ ,
Чтобъ онъ сказалъ, откуда пѣсня та...
« Для новыхъ словъ есть новые уста ,
« И скоро вы съ душевнымъ умлениемъ
« Узнаете очарованья свѣтъ. »
Такъ произнесъ маститый намъ въ отвѣтъ ,
И вдругъ потомъ, восторгомъ пламенія ,
Какъ лоно водъ румянцемъ при зарѣ ,
Сталъ сказывать сказанья....

.
.
.

Альма (заботливо).

Но хорошо ль ты помнишь, Туссиага ?

Туссиага.

Я помню-ли?... Ее мнѣ врѣзалъ Богъ
Въ моемъ умѣ, какъ сладостный залогъ
Пшеницы той и тѣхъ потоковъ блага ,
Которые, быть-можетъ, близки къ намъ...

.
.
.

В. Соколовскій.

—

НАДПИСЬ

КЪ РИСУНКУ К. С. А. Г-НОЙ.

Заквнчалася дивчнна; стала край вкна;
Давъ Богъ празникъ. Людямъ празникъ, а вона одна
Изъ маленькимъ братомъ Йвасемъ, прибрана, въ квиткахъ,
Дивиться, моя небога, на широкій шляхъ.
Батько вмеръ давно у нец, матерп нема,
Тільки въ хатп братъ маленькій, да вона сама,
Бильшъ ни племени, ни роду—все чужи кругомъ!
Тільки не объ тимъ сумуе дивка пидъ вкномъ:
Тута, край вкна, прощався, цпловався *винъ*,
Чернобровый козаченько, якъ пхавъ на Днпъ,
Обищався вернутися—вже *Днвъ* року ё,
Якъ сумуе дивчпнюнка, серденько мое!...
«Де мій мпый? що *винъ* робить? де *винъ* забривсь?
«Може зъ пншою якою уже одруживсь»!...
Дума дивка; серцю важко, слезы на очахъ.
И пустый простягсь далеко передъ нею шляхъ....

Е. Гребенка.

НАДПИСЬ

КЪ РИСУНКУ В. С. А. Г-НОЙ.

Заквччалася дивчина; стала край вкна;
Давъ Богъ праздникъ. Людямъ праздникъ, а вона одна
Изъ маленькимъ братомъ Йвасемъ, прибрапа, въ квинтахъ,
Дивиться, молъ небога, на широкій шляхъ.
Батько вмеръ давно у неї, матери нема,
Тільки въ хати братъ маленький, дз вона сама,
Більше ни племени, ни роду—все чужі кругомъ!
Тільки не объ твій сумує дивка підъ вкномъ:
Тута, край вкна, прощався, цлювався *синь*,
Чернобровый козаченько, якъ ихавъ на Днївъ,
Обищався вернутися—вже Днївъ року ё,
Якъ сумує дивчинонька, серденько мое!...
«Де мій милий? що вниъ робить? де вниъ забрився?
«Може зъ иншою якою уже одружився»!...
Дума дивка; серцю тавно, слезы на очахъ.
И пустый проставъ дадено передъ нею встать....

Е. Гребенна.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

ГРЕЧЕСКІЯ МЕЛОДИИ.

(Харьковъ. 1843.)

THE PLEASANT TRIP

(1813)

МИРОЛОГЪ (♦).

=

I.

Тѣ-жъ соловьи и тотъ-же садъ:
Съ деревъ несется аромать,
Мастика каплетъ и мелисъ (**)
Зазеленѣлъ, и разрослись
Моей заботою цвѣты;
И пальмъ широкіе листы
Прохладой сладкою манятъ,
Храня невидимыхъ дріадъ (***)
Отъ зноя жаркою весной.
Фонтанъ съ студеною водой
Въ лучахъ, какъ радуга горитъ,
Спадая звучно на гранитъ.
Все то-же небо, та-жъ весна,
Чудесной юности полна,
Все тѣ-же думы у людей,
Лишь новая въ душѣ моей,
Отнынѣ вѣчная печаль....
И плакать хочется, и жаль
Тревожить воплемъ, въ мирный день,
Мою возлюбленную тѣнь!

II.

Другъ, скажи, въ какой далекій,
Мнѣ невѣдомый предѣлъ,
Безъ подруги, одинокій,
Отъ меня ты улетѣлъ?

(♦) *Мирологъ* — печальный импровизаціи женщины надъ гробомъ умершаго, въ родѣ *epicedium* древнихъ. Мирологи встрѣчаются и у древнихъ поэтовъ.

(**) *Мелисъ* — пахучая трава.

(***) Въ простонародѣ у Грековъ еще не истребились нѣкоторыя языческія повѣрья древнихъ.

Такъ-же любятъ надъ звѣздами,
Какъ тебя любила я,
Съ тѣми-жъ пылкими мечтами,
Тою-жъ страстію горя?

Небо свѣтлое высоко;
Тѣло къ праху насъ влечетъ....
О, далѣко я, далѣко
Устремила-бъ свой полетъ!

Путь бы твой остановила
И на землю увлекла,
Чтобы алчная могила
Насъ обоихъ погребла....

III.

Я буду плакать про себя,
И на холодного тебя
Полюются пламенные слѣзы,
Какъ на листки увядшей розы
Напрасно падаетъ роса....
Но теплая моя слеза,
Въ холодномъ сумракѣ могилы,
Не возмутитъ тебя, мой мпльй!
Доску надгробную твою
Плющемъ зеленымъ обовью (*),
Разсыплю пурпуръ я и злато,
На ней зажгу я ароматы;
Вѣнками розы молодой
Я кипарисъ украсу твой....
Съ себя сорву я украшенье:
И буду вся — печаль, моленье....
И проведу я ключъ воды
Къ твоимъ стопамъ, чтобъ утромъ ты
Смывалъ въ струяхъ прохладно-чистыхъ,

(*) Современные намъ Греки, подобно древнимъ, обвиваютъ плющемъ надгробные камни.

Могильный прахъ съ кудрей волнистыхъ.... (*)
А я, какъ сторожъ гробовой,
Какъ памятникъ передъ тобой,
Я буду, преклонивъ колѣни,
Ждать появленья милой тѣни.

КЛЕФТЪ И ДѢВУШКА.

Кто стоитъ у водъ ручья
Въ джакѣ (**) голубой!...
Ты моя, или ни чья,
Я клянусь тобой....
А за тѣмъ, что всѣмъ мила,
Что ты всѣхъ милѣй :
Для меня ты разцвѣла,
Будешь ты моей!

МОРЯКЪ.

(Посвящ. М. Е. Капараки.)

Не слышно на палубахъ пѣсенъ ,
Эгейскія волны шумятъ....
Намъ берегъ и душень, и тѣсенъ ;
Суровые стражи не спятъ.

(*) Они думаютъ, что тѣни умершихъ, до извѣстнаго времени, витаютъ у гробовъ.

(**) Джакка — куртка.

Раскинулось небо широко ,
Теряются волны въ дали....
Отсюда уйдемъ мы далёко ,
По-дальше отъ грѣшной земли !

Не правда-ль, ты много страдала! —
Минуту свиданья лови....
Ты долго меня ожидала ,
Приплылъ я на голосъ любви.

Спаливъ бригантину Султана ,
Я въ морѣ враговъ утопилъ ,
И къ милой съ турецкою рапой ,
Какъ съ лучшимъ подаркомъ, приплылъ.

РАЗЛУКА.

— «Славнымъ виномъ, на прощанье ,
Кипрскимъ виномъ напою....
Выпей за наше свиданье ,
Выпей за удаю свою !
Кубокъ возмешь на дорогу ,
Будешь меня вспоминать ;
Стану молиться я Богу ,
Стану тебя ожидать..... »
— Старыя пѣсни люблю я ,
Старую пѣсню запой !

Голось ихъ — звукъ поцалуя ,
Рѣчи ихъ льются рѣкой.....
Хочется пѣсней разлуки
Тяжесть души облегчить,
Звуками плакать и въ звуки
Горечь любви перелить!.....

Пой, ужъ пора намъ проститься: —
Рогъ капетана звучить.....
— «Страшно мнѣ въ пѣснѣ измѣться :
Съ пѣсней душа улетитъ!.....»

АЙЛУДА (*).

Есть домикъ, за этой горою ,
Съ разрушенной кровлей, безъ оконъ ,
Но нашихъ красавцевъ собою
Прельстилъ и завлѣкъ онъ....

А въ домикѣ, будто ошибкой ,
Сіяніе утра и ночи:
Оттуда алѣетъ улыбка
И скрытся очи...

Сералей, палатъ-ли высокихъ
Ты хочешь, Айлуда степная ,
Амазовъ-ли, странъ-ли далѣкихъ?...
Иль ада, иль рая?...

Ты видишь, я статень и молодъ:
Люби меня адской душою....
Земля мнѣ навѣяла холодъ
Съ тяжелой тоскою.

(*) Айлуда ($\alpha\upsilon\lambda\omicron\upsilon\delta\alpha$) собственно значить *безплотная*. — Айлуды — существа въ родѣ дріадъ, или русалокъ, обитающія по повѣрью Грековъ, въ разныхъ дикихъ мѣстахъ, у горъ, рѣкъ и ущельевъ.

Лобзай меня, демонъ прекрасный!..
Какъ нектаръ твой ядъ поцалуя, —
И въ пѣгѣ томительно-страстной,
Такъ сладко умру я....

ЛЮБОВЬ АРМАТОДА.

Жду, сокрытый межъ деревь,
Слыша утромъ за рѣкой
Мелодическій напѣвъ,
Миѣ знакомый и родной.
Легкая какъ призракъ сна,
Къ берегамъ спѣшитъ она —
Въ воду пожку опуститъ,
Очи влагой освѣжитъ.
Для нея Алфей, старикъ,
Вѣковѣчный свой родникъ
Сберегая въ лѣтній зной,
Плещетъ свѣжею волной.
Для нея онъ берега
Олеандромъ разцвѣтилъ,
Для душистаго вѣнка
Ей мерсини (*) возрастилъ.....
Что-жъ сберегъ я для нея? —
Сердце полное огня,
Слезы чувства на очахъ,
Грудь желѣзную въ бояхъ.

За горами слышенъ бой:
Я возьму ее съ собой,
Тамъ въ любви признаюсь ей
Подъ ударами мечей....

(*) Мерсини — красивый душистый трава.

ТЕЛОНИЯ (*).

=

Дыша прохладой на потокъ,
Дремалъ душистый вѣтерокъ,
И олеандръ, въ густые своды
Сокрывъ трепещущія воды,
Цвѣты румяные ронялъ
На переливистый кристаллъ.
Рѣзвилась ласточка порою
Надъ тиховодною рѣкою,
И грудью бѣлой своей
Касалась голубыхъ зыбей....
А воздухъ, воздухъ благодатный! —
Струею сладко-ароматной,
Онъ хочетъ страсть свою вдохнуть
Въ мою изтерзанную грудь.
Когда восторженные звуки
Несутся стройно въ вышинѣ,
Я слышу въ нихъ печаль разлуки,
Тоску по горней сторонѣ....
Но отчего была печаль
Душа усталая полна,
Когда тѣ звуки пролетали?...
Я знала, въ нихъ неслась она,
Душа малютки безъ названья,
Перелетѣвшей въ міръ страданья
Непогруженною въ купель,
Христовой жизни колыбель....
Ко мнѣ, ко мнѣ, родные звуки!
Навѣйте вновь на сердце муки:
Въ васъ жаждетъ горестная мать
Младенца милаго обнять!
Несѣтся изъ владѣній ада,

(*) Телонія — душа неокрещеннаго младенца. Сказка этого повѣрья, почти то же, что малороссійскія *мавка*хъ.

Изъ міра смерти и грѣховъ,
Въ толпѣ невидимыхъ духовъ,
Мое дитя, моя отрада....
Ко мнѣ, дитя, лети ко мнѣ! —
Но звукъ печальный пролетаетъ,
И въ безотвѣтной вышинѣ
Далекимъ эхомъ зампраетъ....
Въ тотъ часъ на сердцѣ пустота,
Въ душѣ какой-то холодъ вѣетъ,
Слеза подъ сердцемъ заперта,
И чувство теплое пѣмѣтъ....
Но вдругъ, нежданно пролетитъ
Знакомый звукъ, и прозвучитъ
Печалью знакомой когда-то,
Разбудитъ старыя мечты, —
И въ сердцѣ нѣтъ ужъ пустоты:
Оно печалью богато....

СЧАСТЛИВЫЙ ОБМАНЪ.

— «Виновать, признаюсь, Зоя,
Оботри платочкомъ слезы....
У вершины Ахелоя,
На горѣ пасутся козы.» —
— Правда-ль это?.... Но далеко
Надо мнѣ идти на гору.
Мать осталась одинока;
И боюсь я въ эту пору....
Ночью, тамъ блуждаютъ духи,
Ходитъ волкъ, чекалка рыщетъ, —
Да и жаль моей старухи,
Что меня напрасно пшетъ. —
— «Виновать, прости мнѣ, Зоя!...

Стадо выгналь я на гору,
Чтобъ къ вершинѣ Ахелоя
Намъ идти въ почную пору.» —

— Еслибы не ты, Манолъ....

Мой остеръ кнѣжалъ широкій,

Но во мнѣ нѣтъ столько воли,

Чтобъ убить тебя, жестокий! —

— «Лейтесь, воды Ахелоя!...

На ланитахъ рдѣютъ розы....

Ты въ любви призналась, Зоя! —

Обманулъ я, — дома козы....» —

ПОСПѢШАЙ.

На раздольѣ небесъ свѣтитъ ярко луна

И листки серебрятся ольвѣ.

Дикой волн полна,

Заходила волна,

Жемчугомъ убирая заливъ.

Эта чудная ночь и темна, и свѣтла,

И огонь разливаетъ въ крови....

Я мастику зажгла,

Я цвѣтовъ парвала: —

Поспѣшай на свиданье любви!

Эта ночь пролетитъ, и замолкнетъ волна.

При сіяньи безстрастнаго дня; —

И заботой полна,

Буду я холодна:

Ты тогда не узнаешь меня!

УМИРАЮЩИЙ МАТРОСЪ.

=

— Много-ль морей облетала ты, бѣлая лебедь,
Много-ль корветъ и фелукъ ты видала на морѣ? —
— «Черный корабль я видала подъ флагомъ багровымъ (*).
Сталъ онъ на якорь отъ нашего берега близко.
Старый сѣдой капитанъ, напѣвая молитвы,
Плакалъ и плакали съ нимъ молодые матросы,
Стоя вокругъ палкара какъ ты молодого.
Преместью глазъ и кудрей прихотливой волною
Схожъ палкаръ на тебя, свѣтлоокая дѣва.
Руки скрестивъ на груди, и на грудь головою
Тихо склонившись, сказалъ капетану сѣдому,
Юнымъ матросамъ сказалъ онъ послѣднее слово:
— «Прожилъ на морѣ я лучшіе юные годы,
Взросъ и родился на морѣ. Пѣвучія волны
Сонъ навѣвали, колыша мою колыбельку.
Много извѣдалъ я чорнаго горя на морѣ;
Много извѣдалъ на морѣ я радостей свѣтлыхъ.
Мирное зрѣлище синяго моря и неба,
Чудно-облитое свѣтомъ пурпурнаго утра,
Богу меня научило молиться и плакать....
Первой, послѣдней любовью любилъ я на морѣ,
Встрѣтивъ на немъ-же прекрасную, добрую Зою.
Дружбу, — вы знаете сами, — узналъ я межъ вами.
Богъ посѣтилъ меня раннею смертию на морѣ: —
Мирно, друзья, умираю, но грустно разстаться
Съ моремъ и съ вами, и съ бѣдною Зоей-сироткой....
Выройте, братья, могилу у берега моря,
Камнемъ прибрежнымъ мою вы покройте могилу;
Здѣсь я услышу порою матросскую пѣсню,
Сердцу знакомое *Эй-леза!* (**) услышу.

(*) Признакъ пиратскаго судна.

(**) Восклицаніе матросовъ при подыманіи тяжестей, якорей, канатовъ и проч.

Будутъ бесѣдовать шумныя волны со мною,
Тусклыя очи, нѣмыя уста освѣжая,
Вѣсточку мнѣ принесутъ о друзьяхъ и знакомыхъ:
Станетъ теплѣе холодному сердцу въ могилѣ.
Плакать придется на могилу печальная Зоя:
Волны подбѣлятся съ милой Зоей печалью;
Легче на сердцѣ ей станетъ и я успокоюсь.... —
Что ты дрожишь и блѣдишь, красавица-Зоя,
Смотришь безумно и рвешь дорогія одежды....
Бѣдная Зоя, несчастная Зоя!»

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПѢСНЬ ПАЛИКАРОВЪ.

Бросимъ въ землю сѣмя жизни:
Наше сѣмя возрастетъ,
И ликующей отчизнѣ
Плодъ нетлѣнный принесетъ.
Что завиднѣй нашей доли:
Мы угасли не въ цѣпяхъ!...
Жизнь темна въ земной юдоли,
Жизнь ясна на небесахъ....

ПОСЫДОНУ ЛАМБРИНАКИ.

Корабль готовъ; шумятъ вѣтрыла;
Распущенъ флагъ земли родной....
Ты ѣдешь, братъ, и что мнѣ мило
Увозишь ты на-вѣкъ съ собой!
Что ждетъ тебя подъ небесами

Родимой Греціи твоей?
Ея любясь красотами,
О бѣдной участи моей
Ты вспомни, братъ, и пожалѣй.....
Прошу тебя пришли съ дороги
Мнѣ горсть земли, земли родной:
Въ часы душевныя тревоги
Я окроплю ее слезой.
Взгляни на гробъ Агамемнона
Въ его пустынной наготѣ.
И у колонны Паронона
Пропой ты пѣсню красотѣ.
Къ моимъ друзьямъ зайди въ Востницу,
Скажи, что ихъ цалую я,
Но, братъ, — кукону Фотинцу
Ужъ не цалуй ты за меня!...

Н. Щербина.

Харьковъ. 1843.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

Рус. Кн. С. А. Толмачева

Лит. Печ.

«Я знаю, Марусе, дівочу ватуру,
— Така жила стара мала дитина —
«И я жила, була молодю, —
Тоді парубки все були молоді!»
«На гризці спивала, на досвіткахъ зрала,
«На улиці часомъ до свята гуляла...»

«А бувало, стає скушно,
«Серце ные та болить,
«Въ грудяхъ важко; плачешъ, плачешъ....
«Божій свить не веселить! ..
«У садку пташки шебечуть,
«По стіну цвітуть квітки;
«Якъ послушаєшъ, якъ глумишъ,
«Плачешъ Бо-зна одъ чого!...

«И зпати не знала чого я бажала!
«И все було, дою, я такъ сумовала;
«Поки твій отецъ мене кохати поставъ,
«Поки зъ новимъ любимъ насъ пниъ не звичавъ....
«Кинь лихомъ объ землю, та будь веселенька!
«И думай дочка, схилившись до немки: —
«Тоді доси мене ще вихто не кохавъ?

Е. Гребенка.

George

Sam. Rose

МАРУСЯ.

=

«Я знаю, Марусе, дивочу натуру,
— Такъ мати старая казала дочци —
«И я дивовала, була молодую, —
(Тогда парубки все булы молодци!)
«На гришци спивала, на досвіткахъ пряла,
«На улици часомъ до свита гуляла....
 «А бувало, стане скушно,
 «Серце ные та болить,
 «Въ грудяхъ важко; плачешь, плачешь....
 «Божій свить не веселить! ..
 «У садку пташки щебечуть,
 «По степену цвितуть квітки;
 «Якъ послухаешь, якъ глянешь,
 «Плачешь Бо-зна одъ чого!...
«И знати не знала чого я бажала!
«И все було, доню, я такъ сумовала;
«Покш твій отець мене кохати неставъ,
«Покш зъ моимъ любимъ насъ пипъ не звинчавъ....
«Кпнь лихомъ объ землю, та будь веселенька!
—И думает дочка, схилившись до неньки: —
«Чомъ доси мене ще никто не кохавъ?

Е. Гребенка.

* * *

Когда любовь моя смущаетъ ваше счастье ,
Забудьте про неё... Зачѣмъ меня любить !
Я благодаренъ вамъ за прошлое участие ,
Я вашимъ счастьемъ буду жить....

Не вы-ль меня на жизнь благословили ,
Не вы-ли первыя сказали мнѣ люблю!...
Меня вы со слезой и съ радостью сдружили :
И я забыть меня молю !

Какъ я боюсь, чтобъ вы не помутили
Слезою обо мнѣ своихъ небесныхъ глазъ : —
Я счастливъ тѣмъ, что вы меня забыли ,
Я счастливъ тѣмъ, что не забуду васъ !

* * *

Харьковъ.

* * *

Мой ангелъ, давно-ли
Ты кроткой малюткой была ,
И чуждая воля
Коснуться тебя не могла !

Приличьямъ послушна ,
Ты стала прелестно-умна ,
И такъ простодушно
Холоднымъ коварствомъ полна....

Въ волненіяхъ жизни
Мнѣ грустно столкнуться съ тобой :
О горней отчизнѣ
Ты мнѣ не напомнишь собой....

* * *

Харьковъ.

УТОПЛЕНИЦА.

Не Дунаюшко волнуется
Свѣтлою волной,
Моя ладушка красуется
Русою косой ;
И не рыбка встрепелася
На глубокомъ днѣ ,
Моя ладушка проснулася ,
И груститъ по мнѣ.

Не въ Дунаюшкѣ купаются
Божьи небеса ,
У касатки открываются
Ясные глаза ;
И не струйка бѣлоушная
По волнѣ скользитъ :
Это милая, безцѣнная,
Пальчикомъ грозить!.....

С. Будимировичъ.

Харьковъ.

БОРИСЪ-ГОРЕМЫКА.

Эту удадь молодецкую
Ты тогда узнала ,
Какъ ты въ воду москворѣцкую
Пожку опускала ;

Какъ тебя, моя желанная ,
Пѣной заплескаю ,
Какъ тебя рука неожиданная
Изъ воды достала.....

Удаль знатную Борисову
Дѣвушки хвалили ,
Какъ ведерцы кипарисовы
Волны уносили ;
Какъ за травкой приворотною
Въ темный лѣсъ ходили ,
Хитрой рѣчью пзворотною,
Молодца манили.

Цѣлу ночьнику безсонную ,
Думаю гадаю ,
Злую долю забуденную ,
Молча проклиная !
Награжденный вдоволь силою ,
Верю сломаю ,
Въ ночь пройду я надъ могилою ,
Съ бѣсомъ совладаю !

Не дала судьба-измѣнница
Удалой походки ,
Ни дородства, ни пмѣнница —
Золотой бородки....
Къ ней-то льнуть дѣвицы красныя ,
Кумовья, да тетки.....
Да и горе въ дни ненастные
Безъ такой бородки! —

С. Будимировичъ.

К. А. О. Д.

Пословица: владѣтъ смѣлымъ Богъ,
Совсѣмъ неправда:
Зачѣмъ же вашъ портретъ я написать не могъ?
Зачѣмъ ни въ чемъ мнѣ не далась слава,
И я ничто: ни живописецъ, ни поэтъ?

А кажется, за вашъ портретъ
Я прінялся довольно смѣло
И чувствами душа была полна;
Позненько ужъ смѣкнулъ я дѣло,
Что для искусства отважность не нужна,
И въ томъ Горацій намъ порука:
Въ стихахъ ему далась наука,
А съ бою онъ какъ трусъ бѣжалъ.

Не помню, гдѣ-то я читалъ,
Что въ Греціи какой-то живописецъ,
Аполлодоръ или Зевксъ, или другой,
Не помню я.... Князь Ш....,
Какъ драматургъ и лѣтописецъ,
Вамъ скажетъ вѣрно кто такой....
Князь былъ когда-то музъ угодникъ
И Грековъ зналъ на-перечетъ;

.
.
.

Положимъ, живописца звали
NN.... Однажды написать
Ему Париса заказали.
Париса мудрено-ль создать?
Парисъ готовъ и яблоко готово;
Юнону написать ему труднѣй,
Съ ея красой и гордой и суровой,
Но мой художникъ сладилъ съ ней.

Не такъ легко ему далась Аѳина,
Во всеѣ оружіи, съ совой,
Съ чудесно — мудрой головой.
Но какъ-то кончится картина?
Какъ написать царицу красоты,
Чтобы уста желаніемъ пылали,
Чтобъ на челѣ роскошныя мечты
И думы милыя порхали?
Чтобы ланиты, какъ заря,
Небеснымъ пурпуромъ горя,
Любовь и мудрость изображали?
Чтобы въ очахъ ея сверкала
Всерушашій, всесплный пламень,
Чтобъ зритель въ нѣгѣ утопалъ
И таялъ весь, хоть будь онъ камень.
Но тщетно живописецъ мой,
Вперя задумчивыя очи,
Передъ картиной заказной
Сидѣлъ и долго дни и ночи....
Какъ быть? но наконецъ смекнулъ,
И голову затылкомъ повернулъ.
И я, какъ подражатель ловкой,
Оставя прежній вашъ портретъ,
Нарисовалъ другой, съ повернутой головкой ...
Скажите, правъ я, или нѣтъ?

В. Ш....въ.

Харьковъ. 1843.

А. П. С-НУ.

=

Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы видались въ Польшѣ
Одиннадцать лѣтъ незамѣтно прошло;
О! сколько вина съ той поры утекло,
А чистой воды еще больше!
Съ-тѣхъ-поръ довелось мнѣ пожить и въ глуши
И рыскать по бѣлому свѣту;
Что было.... нное бы въ Лету,
Нное вписалъ я въ скрыжаляхъ души.
По-счастію, хорошаго болѣ,
И есть гдѣ въ волшебныхъ мнѣ снахъ побывать.
Такъ ночью, самъ-другъ я въ гондолѣ
По тихимъ лагунамъ пускаюсь летать,
И слушаю Тасса октавы,
И снова волнуетъ мнѣ душу любовь,
И вѣрю призванію славы
И жажды войны и вѣнка, и стиховъ.
То вдругъ уношуся на сѣверъ,
Гдѣ первая юность моя протекла,
То снова подъ сѣнью роднаго села
Сбирать свекловицу и клеверъ....
Соскучился — и вотъ, черезъ бѣлый бурунъ,
Лечу черезъ Каспій къ Гарлему,
И дуетъ въ лицо мнѣ горячій самунъ
И Бекъ мнѣ готовитъ измѣну:
А чаще всего (да проститъ мнѣ жена)
Въ мечтахъ мнѣ является шпага,
А съ нею забытыя всѣмъ война,
Бивакъ, Остроленко и Прага.
А ты между-тѣмъ, въ тѣ одиннадцать лѣтъ,
Что дѣлалъ, мой милый проказникъ?
Тогда ты былъ свѣжій, безусый корнетъ,
И въ жизнь ты вступалъ какъ на праздникъ;

Кипѣлъ и бурлилъ какъ кавказскій потокъ,
Въ которомъ нѣтъ ила и тины,
И блещетъ на днѣ золотистый песокъ,
Сквозь зеркало чистой пучины.
Носился-ль какъ прежде безъ боли души,
Съ утра и до черной полночи?
Кому, вѣтрогонъ, напѣвалъ ты въ тиши,
И клялся любить что есть мѹчи!
А видѣлъ одну.... что за прелесть дитя,
Какъ сладостно пѣла малютка!
Бѣдняжка любила тебя не шута;
Тебѣ же любовь была шутка.
Но шутки до время! признайся-ка, другъ:
Зачѣмъ ты не тотъ что бывало?
Не носишь-ли въ сердцѣ тайный недугъ?
Иль сердце любить ужъ устало?
Иль скучно тебѣ, и постылъ тебѣ свѣтъ,
И можетъ, не прочь застрѣлиться....
Отъ скуки есть средства, прими мой совѣтъ,
Пора тебѣ милый жениться.

В. Ш....съ.

Харьковъ. 1843.

ТАГАНРОГСКАЯ НОЧЬ.

Ночь ясна; прохлады полный,
Дремлетъ темный садъ;
Меотическія волны
Блещутъ и шумятъ.

При лучахъ прозрачной ночи,
Въ часъ волшебный сна,
Сна незнающія очи,
Гляньте изъ окна!

Ждетъ насъ сумракъ благосклонный,
Ждетъ безмолвный садъ : —
Тамъ нодъ сѣнью благовопной
Двѣ скамьи стоять,
Тамъ твои уста и плечи
Буду цаловать,
Слушать пламенные рѣчи,
Звуки заучать !....

Мы одни... Оставь сомнѣнья....

Дремлетъ клевета :
Ей лучами вдохновенья
Я сожгу уста !
Въ блескъ тебя передъ толпою
Я могу одѣть,
И она, гордясь тобою,
Будетъ гимны пѣть ! —

Фата-Моргана.

Харьковъ.

СУДЬБѢ.

=

Мнѣ скучно жить—быстрѣй летите
Мои печальные часы !
Сѣдпной ранней убѣлите
Мои кудрявые власы,
Чтобъ я сошелъ безъ сожалѣнья
На ложе гроба въ тишинѣ : —
Неясной жизни скучны мнѣ
Однообразныя волненья !...
Но если будетъ въ жизни день